

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Юлии АЛЕЙНИКОВОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Проклятие Ивана Грозного и его сына Ивана

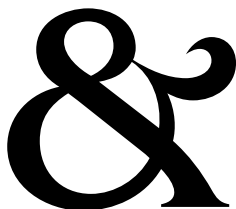
Крест Иоанна Кронштадтского

Тайное сокровище Айвазовского

Нефритовая орхидея императрицы Цыси

Кровавый след бога майя

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Юлия АЛЕЙНИКОВА

**Кровавый
след бога
мая**

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А45

Оформление серии *С. Курбатова*

Оформление обложки *Н. Кудря*

Алейникова, Юлия.

А45 Кровавый след бога майя / Юлия Алейникова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-98785-6

Трагическое происшествие на пригородной петербургской платформе — под колесами электрички погибает сын популярного советского композитора. Расследование, которое будет проходить в Доме творчества, подтвердит всем известную истину: в искусстве плетения интриг люди художественных профессий способны превзойти самых изобретательных преступников. Но дело не только в тщеславии завистников. Несчастный случай в курортном Репине подозрительно похож на череду несчастий, произошедших почти сто лет назад в джунглях Центральной Америки. Именно там родоначальник композиторской династии продал душу божеству, которое вознесет и погубит его потомков...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алейникова Ю., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017

ISBN 978-5-699-98785-6

Глава 1

Санкт-Петербург, 2016 год

а, не повезло мужику. — Никита Стрешнев осмотрел лежащее на рельсах тело.

Мужику действительно не повезло. От него остались только ноги и кусок

ниже поясницы.

Платформу поселка Репино заливало июльское солнце. Густой аромат сосновой смолы смешивался с запахами залива, скошенной травы и жареной рыбы. Никита шурился от нежаркого утреннего солнца, неуместно улыбался и думал, как здорово будет после осмотра места происшествия окунуться разок-другой.

Тело около пяти утра обнаружил первый пассажир. Молодец, не грохнулся в обморок и быстро сообщил куда надо. Движение электричек перекрыли, и теперь пассажиры и просто любопытные толпились возле платформы и гудели, как пчелы в улье.

— Не знаете, полиция уже выяснила личность убитого?

— Откуда же, голубушка? Вон они стоят, у них и спросите.

Личность убитого пока не выяснили. В карманах брюк не было ни документов, ни лич-

ных вещей. Телефон, судя по деталям, в момент смерти погибший держал в руке. Единственной зацепкой оказался ключ — довольно простой, с бирочкой, на которой от руки был выведен номер шестнадцать. Такие обычно выдают в гостиницах и пансионатах.

— Никита, — окликнул его капитан Мирошкин. — Обойди местные отели и пансионаты, выясни, чей ключ, и на всякий случай составь список отдыхающих в шестнадцатых номерах. И не тяни.

— Игорь Сергеевич, да здесь работы на неделю! Это ж Репино — на каждом шагу то пансионат, то отель, то мотель. А может, он вообще не из Репина, а из Комарова.

— Да, и вот еще что. — Капитан его как будто не расслышал. — Сфотографируй уцелевшую часть тела — пригодится. Кроссовки крупным планом возьми: модель не типичная, может, по ней кто опознает. И начинай с пансионатов проще. Ключик, сам видишь, явно не из дорогого отеля.

— У нас не номера, у нас коттеджи, — добродушно улыбнулась администраторша Дома творчества композиторов. — Шестнадцатый номер вон там, за кустами, ближе к забору.

— Ключ ваш? — Никита достал из кармана вещдок.

— На глаз трудно сказать. У нас везде разные замки, потому что ремонт делали в разное время. Можно сравнить с дубликатом. — Она кокетливо поправила рыжую челку.

— А кто остановился в шестнадцатом, не помните?

— Как не помнить. У нас здесь все свои, чужих почти не бывает. В шестнадцатом Барановский живет, Владислав Юрьевич.

— Он сейчас на месте, не знаете?

— Понятия не имею. Погода хорошая, может, на пляж ушел. Мы за постояльцами не следим. — Рыжая администраторша сходила в подсобку и вернулась, вертя в руках оба ключа. — Вроде похож. Хотите, сходим проверим, заодно узнаем, дома ли Барановский. Да, а почему вы его ищите, случилось что-нибудь? — сообразила она наконец.

— Ничего особенного. Просто нашелся ключ в одном месте, теперь нужно выяснить, кто обронил.

— Барановский мог где угодно обронить, он такой. Растяпа, одним словом.

Для порядка они постучали в дверь домика номер шестнадцать, но никто не отозвался. Она вставила ключ в замочную скважину, и он вошел без всяких усилий.

— Выходит, наш.

— Выходит, ваш, — согласился Никита. — Опишите, пожалуйста, вашего постояльца.

— Рост выше среднего, светловолосый, упитанный. Вообще у него вид законченного недотепы. Не мужик, а тряпка.

— А лет ему сколько?

— Около сорока с хвостиком. Нужно в журнале регистрации посмотреть.

— Скажите, это его ноги? — Никита открыл в смартфоне фотографии.

— Ноги? — Администраторша развеселилась, наверное, приняла вопрос за шутку. — Нет, ноги я вряд ли узнаю. Знаете, здесь его сестра отдыхает, лучше вам с ней поговорить. Отношения у них не очень, но брата она должна узнать.

Администраторша пошла разыскивать сестру погибшего, а Никита стал звонить начальству: похоже, с личностью убитого разобрались.

— Вы из полиции?

— Секунду. — Капитан Мирошкин обернулся на голос, сделал знак, призывающий подождать, и продолжил в трубку: — Стрешнев, двигай на пляж и опроси там народ, когда последний раз видели Барановского. На территории я сам пока. Слушаю вас. — Он поднял глаза на даму, задававшую вопрос.

— Я знаю, кто это, — спокойно проговорила она.

Перед Мирошкиным стояла особа неопределенного возраста, неопрятно одетая, некрасивая, в немодных очках с толстыми линзами.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Агнесса Юрьевна Барановская. Владислав — мой брат по отцу. — Из-за толстых линз на капитана смотрели невыразительные глаза. Косметикой Барановская не пользовалась, расческой, кажется, тоже. Серо-седые похожие на спутанную проволоку волосы лежали на голове комом.

— Ваш единокровный брат, я правильно понимаю? Как вы узнали его на фото?

— Видела его вчера вечером в этих самых кроссовках и брюках. Он в них ходил, кажется, все время. Кроссовки у него старые, брюки тоже, вряд ли у кого-то в окрестностях имеется такой же комплект. — В устах Барановской, облаченной в бесформенный балахон бурого цвета, модная критика звучала несколько неуместно. Может, это пренебрежение внешним видом у них фамильное?

Капитан Мирошкин изучающе уставился на нее. Он вообще с недоверием относился к людям творческих профессий, а к этой неряшливой мадам испытывал откровенную антипатию.

— Значит, последний раз вы видели брата вчера?

— Знаете, я не помню, когда точно это было — вчера или позавчера.

— Неужели так трудно вспомнить? Вы же ходите завтракать и обедать в столовую. Если не на территории, то хотя бы там вы должны были столкнуться.

— Знаете, мне некогда смотреть по сторонам, я работаю над книгой. Хотя вы вряд ли понимаете, какой сосредоточенности это требует. Здесь не санаторий, как вы могли подумать, сюда приезжают не только отдыхать, но и работать. Как ни удивительно, некоторым это удается. — Она с удовольствием проводила взглядом двух пожилых дам, которые кружили по аллее, явно стгорая от любопытства. — Я по территории не слоняюсь, а во время завтрака по сторонам не глазею.

— Хорошо, допустим. — Мирошкин решил пока не злить свидетельницу. — Расскажите, пожалуйста, о вашем брате. Кто он, чем занимается, когда приехал в Дом творчества и так далее. — Он кивнул на ближайшую лавочку под соснами. — Давайте присядем?

— Не стоит. Мой рассказ много времени не займет. Барановский Владислав Юрьевич, сорок шесть лет. Не женат, детей нет. Живет один. Мать с третьим мужем десять лет назад уехала на ПМЖ в Израиль. Работает в консерватории, доцент кафедры оркестровки и общего курса композиции. Он сын моего отца от второго брака. По этой причине, как вы понимаете, особенно близки мы не были. Встречались на кладбище в день рождения отца и в день памяти. Иногда в консерватории и еще здесь. Общением назвать это нельзя — просто раскланивались.

— Вам неизвестно, что он делал вчера вечером на станции?

— Откуда мне знать?

— Когда он ушел из Дома творчества, вы тоже не знаете? — Барановская молча кивнула. — У покойного были друзья, женщины, другие родственники?

— Женщин он всю жизнь сторонился, друзей, насколько мне известно, нет. Из близких родственников только мать.

— А из дальних?

Агнесса нахмурилась.

— Я. Еще дядя Леня. Вообще-то он приходится нам с Владиславом двоюродным братом, но разница в возрасте большая, и мы называем его

дядей. Еще Ленины жена и дочь. Родственников со стороны матери у Владислава нет. Хотя здесь я могу ошибаться.

Что ж, если все сказанное этой неприятной особой подтвердится, дело можно будет не открывать. Пока все указывает на несчастный случай. Капитан Мирошкин несколько повеселел и двинулся на поиски своей команды.

Весть о гибели одного из отдыхающих уже разлетелась по Дому творчества, и композиторы, точнее, члены их семей теперь толпились на центральной аллее и бросали взволнованные взгляды в сторону капитана с Агнессой.

— Такой милый, интеллигентный человек — и такая участь.

— Да-да, ужасный конец. Хорошо хоть детей сиротами не оставил.

— Действительно, он же совершенно один жил. Интересно, кому достанется коллекция? Это же огромная ценность!

— Коллекция? — Капитан притормозил и обернулся к пожилому господину в гавайке и светлых брюках.

— Именно. Эту коллекцию еще дед Владислава Юрьевича собирал. Там есть подлинные шедевры, поверьте мне. — Пожилой господин явно был рад возможности продемонстрировать свою осведомленность. — Конечно, я давно ее не видел, но не думаю, чтобы Владислав Юрьевич решился что-то продать. Он очень дорожил семейными реликвиями.

— Простите, а как давно вы знакомы с покойным? — Надежда на простое дело таяла на гла-

зах. — Прошу прощения, я не представился. Капитан УВД Мирошкин Игорь Сергеевич.

— Очень приятно, Дмитрий Гаврилович Никонов, член Союза композиторов, заслуженный деятель искусств.

— Вы, Дмитрий Гаврилович, начали говорить о коллекции. — Капитан увлек свидетеля в сторону.

— Да, это выдающееся собрание. Владислав Юрьевич унаследовал его от отца, а тот — от своего отца. Основной вклад, как мне кажется, внес именно Юрий Николаевич. Неужели не знаете? Маститый советский композитор, можно сказать, классик. Его песни пела вся страна. Как же, «Товарищ фронтовик, на тех дорогах»?.. Или вот: «Споём перед стартом, друзья-космонавты». А «Песня летит над полями, в небо поднимается она»? Не может быть, чтобы вы не помнили!

— Да, что-то такое было в детстве, — кивнул Мирошкин. — Значит, отец убитого был известным композитором и оставил ему коллекцию. И что за коллекция?

— Живопись. В основном работы русских художников, но есть, знаете ли, и европейские мастера. Помню восхитительный эскиз Мане, а еще Пикассо и Дали. В Советском Союзе многие и имен таких не знали. Да, Юрий Николаевич был тонким ценителем. У него и квартира больше напоминала музей, чем жилье.

— Я так понимаю, вы были хорошо знакомы с покойным? — Мирошкин незаметно подвел своего информатора к лавочке.

— Да что вы! Я был простым студентом, когда Барановский уже гремел на всю страну. Но да, впоследствии мне посчастливилось даже бывать у него.

— А его сын? Вы дружили? — не сдавался капитан.

— Видите ли, наш петербургский музыкальный мир не так уж велик, и Дом творчества — это Мекка, куда мы все стекаемся. Здесь росли наши дети, здесь творили, рождались шедевры! — Глаза заслуженного деятеля искусств светились восторгом. — Да, мы знакомы с Владиславом, как все здесь знакомы между собой. Но не более того. Все же разница в возрасте, и потом, Владислав Юрьевич всегда был довольно замкнут. Кстати, — встрепенулся Никонов, — здесь же сейчас его сестра, Агнесса Юрьевна. Побеседуйте с ней.

— Да, я слышал, она его единственная родственница. — Капитан решил изобразить простодушие.

— Не совсем. Есть еще Леонид Аркадьевич, племянник Юрия Барановского. Сын его сестры — Каргин-Барановский Леонид Аркадьевич. Но сейчас его здесь нет.

— Тоже композитор?

— Не совсем. Конечно, он что-то пишет. Но, скорее, он все же исполнитель, а еще точнее, администратор. Простите, сейчас это называется «продюсер». Он директорствует в нескольких музыкальных коллективах, и сам, насколько мне известно, уже не выступает.

Мирошкин поблагодарил и церемонно откланялся. «Мане, говорите? Пикассо?» — бормотал он, направляясь к следственной бригаде.

— Игорь Сергеевич, поехали? Тело увезли, криминалисты работу закончили. Гриша все что можно собрал. — Никита от нетерпения переминался у машины.

— Рано, — коротко бросил капитан. — Вот что: я сейчас еще раз побеседую с Барановской, а вы опросите персонал — кто приезжал к покойному в гости, с кем он общался и так далее.

— Войдите, — пригласил нелюбезный голос, и Мирошкин протиснулся в тесный коридор.

Пока было не очень ясно, какая манера лучше подойдет для разговора с Агнессой Барановской.

Дочь знаменитого композитора с таким необычным красивым именем должна была, на его взгляд, выглядеть иначе. Ладно, пусть не красавица, но это просто пугало какое-то.

— Что, не нравлюсь? — Барановская как будто читала его мысли. — Да, не Брижит Бардо. В моей жизни все как в сказке. В злой сказке. — Она криво усмехнулась и подняла голову от своих бумаг. — Отец был талантлив, мать красива, а я лицом пошла в отца, а талантами — в мамочку. Получилась уродливая бездарность.

От такой откровенности Мирошкин растерялся.

— Но все это давно не важно. — Барановская закурила. — Так что вы хотели?

Капитан откашлялся.

— Мне стало известно, что ваш брат был владельцем весьма ценной коллекции произведений искусства.

— В некотором роде.

— Не понял.

— После смерти отца коллекция действительно продолжала храниться в квартире, где жили Лариса с Владом. Лариса — это вторая жена отца, — с кислой миной пояснила Барановская. — Фактически коллекция принадлежит всей семье — мне, Владиславу и Леониду в равных долях. Так что да, Владу она тоже принадлежала. Одна из лучших частных коллекций в Петербурге. На момент гибели отца — одна из лучших в стране.

— Теперь, после смерти Владислава Юрьевича, его доля перейдет в вашу собственность?

— Вероятно. Или будет поделена между мною и Леней. Если, конечно, Влад не завещал ее какому-нибудь музею. — Барановская равнодушно выпустила дым. — Поймите, мне сорок девять лет. Большая и лучшая часть жизни позади. Перевезти картины в собственную квартиру и любоваться ими зимними вечерами — такая перспектива меня занимает мало.

— Кого еще интересовала ваша коллекция? Может быть, не вся, а отдельные работы?

— Понятия не имею. — Она пожала плечами.

— У кого-нибудь есть полная опись собрания?

— У нашего поверенного. Юридическая фирма «Кони и сыновья» вела дела нашей семьи с конца XIX века. В советское время она, понятно, так не называлась, но нашими делами занима-